

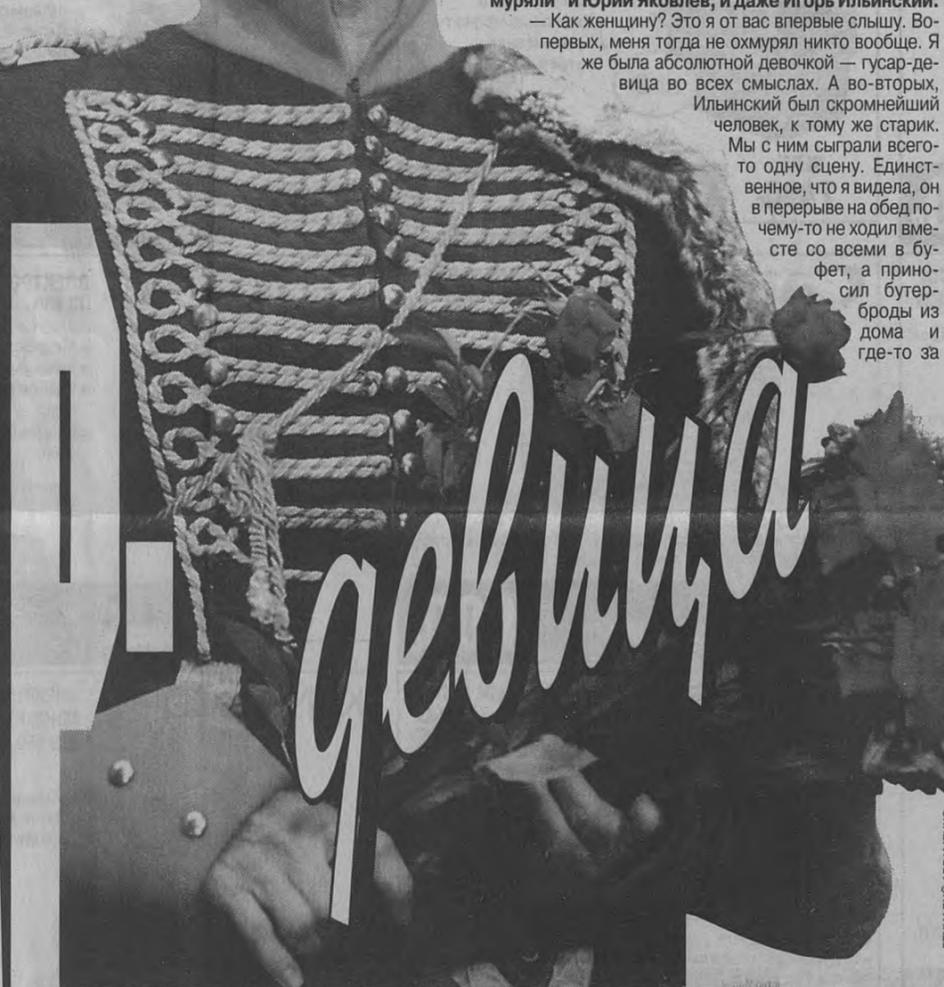
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Лариса ГОЛУБКИНА:

"Пластические операции я делать боюсь — от них выражение лица меняется"

8 марта для нее день особый. Нет, Международный женский день тут совсем ни при чем. Этот день для нее стал действительно тем праздником, который со слезами на глазах. Хотя разве можно плакать в день рождения такого блистательного жизнелюба, каким был Андрей Мионов... Ее муж. 8 марта Андрею Александровичу исполнилось бы 62. А на следующий день, 9-го, ей стукнет... Пardon. Звезда "Гусарской баллады" Лариса Голубкина молода, как и прежде, — тот же юношеский задор, тот же блеск в глазах, та же удал. Непосредственно перед тройным праздником мы сидим с Ларисой Ивановой за столиком кафе в Петровском пассаже и не спеша пьем кофе.

девушка

— Лариса Ивановна, как же вы с Андреем Александровичем делили этот день? Кто был главным?
— Это был только день рождения Андрюши. О 8 марта в его общепринятом значении никто даже и не заикался. Гости к нам обычно съезжались уже седьмого вечером, восьмого — день рождения Андрея, а девятого, в мой день — что? Одни остатки. Но так как я хорошо готовлю, остатки, надо сказать, были весьма неплохие. Я изо всех сил старалась что-нибудь ему подарить эдакое. Андрей был безумным фанатом джаза. И если у меня была возможность привезти из-за границы что-то действительно редкое, а в то время я была очень даже выездная актриса, обязательно его заказы выполняла. А мне... Знаете, я всегда обожала нарциссы. Если 9 марта мне кто-то приносил нарциссы — это было событие. Но дарили в основном мимозы...
— Все женщины 8 Марта принимают поздравления, цветы. А для вас это грустный праздник?
— Его день рождения все равно для меня остается его днем. Конечно, танцев не устраиваю. Но Андрей был не грустный человек — так что я могу в этот день улыбаться. Знаете, как моя Екатерина Вторая в спектакле "Любовь — книга золотая" говорит: "У каждой женщины бывает хороший день, когда ей улыбается солнце и тот, кого она любит". Наверное, каждая женщина будет рада, если любимый человек принесет ей пусть даже один цветок. Но для меня этот день — память об Андрюше. 2 года назад, на его 60-летие, я пригласила всех наших друзей к себе домой. Помню, Марк Захаров еще очень удивился: "У меня такое ощущение, что этих лет как будто и не было — все как прежде". Почему-то все были уверены, что после смерти Андрюши я там все поменяла: сломала стены, сделала евроремонт. Нет, все осталось как прежде. В полном покое.
— А ваш покой не нарушает появление книжек с подробным описанием личной жизни Андрея Мионова?
— Всех книг я не читаю. Но, господи, боже мой, какая прелесть. При живом Андрюше таких книг не появилось бы, как и при живой Марии Владимировне. Это теперь они разболтались. А я молчу. Но не потому что слаба или сомневаюсь, или знаю, что это действительно так и было. Просто понимаю, что это пустое. Люди таким образом заполняют собственную пустоту. Одна дамочка даже замуж вышла после выхода книги. И хорошо. Пусть она еще одну книжечку напишет, может, еще счастья привалит. На меня вся эта писанина особого впечатления не производит. Впервые, я не читаю. Подходят, конечно, "подруги", шепчут на ухо: "Ты знаешь, я прочитала. Но только из-за тебя. Чтобы быть с тобой в одной упряжке". А меня ничем не удивишь. Я знаю, как мы жили с Андреем Александровичем, как он ко мне относился все 13 с лишним лет. Я помню почти каждый день нашей жизни. Знаю, какие у него были трудности. Ни одна женщина об этом и понятия не имеет, даже его мать родная. Не беспокоил он ее по таким "пустякам". И я никогда об этом не скажу никому, язык у меня не развяжется. Даже если буду умирать в нищете — не напи-

шу. (В глазах Ларисы Ивановны заблестели слезы. — Авт.) Потому что есть вещи, которые ну нельзя говорить. И претензий к Андрюше у меня никаких.
— Правда, что он вас долго добивался, а вы ему отказывали?
— Ну, как сказать. Я не возьму на себя смелость говорить, что Андрей, дескать, бедный, меня добивался, а я снисходительно на него поглядывала. Это все неправда. Правда то, что он мне сделал предложение, когда мы были еще совсем молодые. У меня квартира однокомнатная, и у него уже к тому времени — квартира. В те-то годы! Можете себе представить?! Причем я построила себе квартиру, пугая отца своего: мол, если он меня еще будет ущемлять в правах — сбегу. А у Андрюши была квартира совсем для других целей. Молодой мальчик, нужно как-то личную жизнь устроить, вы же понимаете? Он мне говорит: "У тебя квартира, у меня же квартира. Давай поженимся". Помню, первый раз он меня в гости пригласил... (Лариса Ивановна рассмеялась. — Авт.) Моя подруга, правда, на 20 лет старше, как-то сказала: "Понимаешь, если идешь к мужчине, пусть даже просто книжку читать, и за тобой закрылась дверь, — все! Заруби себе на носу: если ты уже пришла — назад дороги нет". Тогда было такое понятие. Кто знает — чем мы там занимались. Все: я уже у него! Так слушайте, прихожу к нему, звоню в дверь. Открывает Андрей Александрович, в халате, черно-сером, воротник шалькой — знаете, такой барин. Я ему говорю: "Извини, Андрюш, я к тебе не пойду, ты в халате. Смокинг надень, тогда войду. Я пойду погуляю, через несколько минут приду — чтобы ты был одет". Прихожу, смотрю — стоит в смокинге с бабочкой: "Так тебя устраивает?" (Хохочет. — Авт.). Это было так смешно.
— Почему же он так настырно делал вам предложение?
— Во-первых, я ему нравилась. Сказать, что он безумно в меня влюбился, как "сумасшедший"... Конечно, нет. Он меня абсолютно не знал, причем ни с какой стороны. Во-вторых, я известная артистка. А он жуть как любил известных артисток, вы себе не представляете. Меня же с ним познакомил другая очень известная артистка — Наталья Фатева. "Я знаю, кто твой мужчина", — это же с ее легкой руки мы узнали друг друга.
— Я читал, что он и в Фатеву был влюблен?
— Да, но она его очень быстро отпустила в мою сторону. И Андрей моментально перестроился. Все-таки я тоже была известная артистка, а его "Бриллиантовая рука" только в 69-м вышла. Но Андрюша был так открыт и хорош, что проблем с девушками у него, наверное, не возникало.
— А вы его ревновали?
— Нет, я не думаю. По крайней мере он всегда говорил: "Я не могу обидеть Ларису". (Смеется.) Нет, за все время нашей совместной жизни был только один единственный случай. Переживала тогда страшно. Но он так очаровательно готовился к этой поездке. Это было что-то! Я же сразу все поняла. Он купил себе брюки, какие-то рубашки. Ах, тебе на съемку, в Сочи! Ну, конечно. И Андрей хохотал, понимая, что я догадываюсь. А через несколько дней он почему-то вдруг вызывает

меня. Я приехала и увидела — "непрохонже"! Ну, не получилось. Он уж видимо размечтался, а она там другого себе нашла. Так Андрей меня вызвал как спасительницу. Ей-то он не мог ничего сказать, вот и срывался на мне. И я, вот смех-то, его пожалела.
— Ну, у вас проблем с поклонниками, наверное, тоже не было. Помню, на 40-летию "Гусарской баллады" на "Киношоке" кто-то делился воспоминаниями, что на съемках картины вас активно "охмуряли" и Юрий Яковлев, и даже Игорь Ильинский.
— Как женщину? Это я от вас впервые слышу. Впервые, меня тогда не охмурял никто вообще. Я же была абсолютной девочкой — гусар-девица во всех смыслах. А во-вторых, Ильинский был скромнейший человек, к тому же старик. Мы с ним сыграли всего одну сцену. Единственное, что я видела, он в перерыве на обед почему-то не ходил вместе со всеми в буфет, а принёс бутерброды из дома и где-то за ширмой съедал их. И один раз он сказал про меня: "Ух ты, какой темперамент!" Все — вот и весь разговор. А Юрий Васильевич Яковлев, он и тогда для меня был Юрием Васильевичем. А уж он-то вообще на съемки вечно с радикулитом приезжал. За мной другой парень ухаживал. Это было так смешно — носился за мной как угорелый. Махарбек его звали — осетин из группы циркачей. Мы же там на лошадях как зарезанные скакали. Все гонялся за мной со своими приставаниями: "Один раз потанцуй!". И я не знала, как от него отжаться. Однажды в шутку ответила: "Ты что меня тут совращаешь. Не видишь — я мальчик. Не приставай ко мне!" Да нет, что вы? Папа меня знает как оберегал? Говорил моим ухажерам: "Вы почему приглашаете мою дочь на танец? У вас грязная рубашка".
— Но когда вы стали известны на всю страну, родители, наверное, с ног сбились?
— Да. Прошла премьера, и на следующий день около дома — целая очередь. Стучали, звонили, какие-то сумасшедшие прибежали, телеграммы присылали. Мама чуть с ума не сошла: была девочка нормальная, в школе училась, через дорогу за ручку водили. Что случилось? А сколько появилось молодых девчонок, которые пытались мою Шурочку копировать — целое направление. Это было ужасно. Изображали из себя таких "эмансипе": в брюках, с сигаретой, обязательно бутылка портвейна в руках.
— А поклонники?
— Мужчин никого и не было. Одни уроды, кланусы! Всякие большие: какие-то кривые, косые ходили. Сейчас мне говорят: "Ну какая ты была хорошенькая! Как мы были в тебя влюблены!" Где?! Никто даже на пушечный выстрел не подходил. Запросто могла вообще в девичьих остаться со своей скромностью дурачком. В театре я не позволяла себе вольностей. То есть пришла — отретпировала — ушла домой, закрылась на ключ. Такая тошнота — жуть. О поклонниках речи вообще не было.
— Может, ваша скромность виновата в том, что после первой звездной роли вторая так и не последовала?
— Ну как же?! Уже через полгода я снялась в "Дайте жалобную книгу". А вообще, может быть. Это я сейчас понимаю, что поведение мое должно было быть не многим другим. Более общительная, более открытая. Не бегать от людей, не прятаться. Может, с кем-то и поспать нужно было (Смеется. — Авт.) во имя карьеры. Но я прошла свой путь чисто. Ни один режиссер не может мне в глаза посмотреть и сказать: "Врешь!" И актер тем более. Почему еще я сразу не вышла замуж — папа вбил в голову, что ни в коем случае муж не должен быть артистом. То, что я актриса, — уже караул. А уж если муж актер — вообще позорище.
— Как же он отнесся к тому, что вашим мужем стал Мионов?
— Ну уж Мионов — так Мионов. Если уж артист, то первый.
— Чтобы понять необходимость друг в друге, вам понадобилось почти 10 лет. За это время и вы побывали замужем, и он успел жениться.

— Да, он женился, только потом быстро спохватился. Мы вообще оба бежали по жизни как сумасшедшие. Как от чумы люди бегут. И встретились вот на этой пробежке. Однажды он сказал: "Боже мой, Лариса, пора заканчивать все поиски, глупые эксперименты. Нам надо быть вместе". Андрюш, — говорю, — ведь мы же не любим друг друга". Он мне ответил: "Ларис, мы любим потом". И знаете, ведь он был прав. Обычно, когда молодые как околтелые женятся в раннем возрасте, гормоны играют, страсть кипит... А жизнь семейная — не игра гормонов, это некий творческий процесс.
— И первый ваш брак вы считаете ошибкой?
— Не то чтобы ошибка. Сумасшествие. Мы жили совсем недолго. Да и то — в сплошных спорах и выяснениях: кто умней, кто талантливей. Бессмыслица какая-то.
— А кто он был?
— Не будем об этом. Кто?.. Дед Пихто!.. Знаете, я все время хотела, чтобы жизнь моя прошла как можно более естественно. Без лишнего зла, без вранья. Моя свекровь как-то сказала: "Ларис, перестань сейчас же. Все врут!" "Мария Владимировна, — говорю, — я знаю, что все врут. Но когда я начинаю говорить неправду — моментально краснею". "Это у тебя пройдет", — ответила она. Но вот до сих пор не проходит... Знаете, я раньше очень много плакала.
— Отчего?
— Вот если грубое слово скажете, сразу могу заплакать. Знаете, чаще всего человек злится и ругается не потому, что он зол на вас, а потому, что зол на себя и не может с этим справиться. А под рукой близкий человек. Неважно: мать, ребенок, жена. На них можно отыграться. Может, и хорошо — пар выпустить... Но из-за Андрея я не плакала. Он мог наорать, стукнуть кулаком об стенку. Но я же его изучила. Не так стол внесли в дверь, он не мог сообразить, каким концом его втащить, — ну и злился на нас с Машкой. А мы только смеялись. "Вы чего, не боитесь меня?" — удивляется. А мы: "Нет". Заплакать я могу от других вещей. То есть могла. Андрюша умер, и я сразу перестала плакать. В тот же день. Как будто бы внутри меня что-то заостенело.
— Да, я помню, в одной передаче, когда вас спросили о смерти Андрея, вы сказали: "Мужчины в доме не стало, некому вбить гвоздь". Многих это шокировало. Ждали ведь громких фраз со слезой.
— Я очень не люблю показуху, вижу, насколько все это фальшиво. Особенно на фоне того, что человека нет. В его присутствии можно сказать чего хочешь: и пафосное, и посылать, и обидеть. А когда нет человека — что говорить?.. Я же говорю — оостенела. Научилась сама говорить мать-перемать. Могла и обидеть. Было у меня такое качество. А теперь вот снова могу плакать. Понимаете, Андрюши нет уже 16 лет. Кроме него меня ведь окружали и другие очень близкие люди. Мама сильно болела, она раньше Андрюши умерла, папа болел до 96-го года... А Маша вышла замуж, родила ребенка — вот тут уже мне можно было поплакать. На радостях.
— После смерти Андрея Александровича у вас не было мысли еще раз выйти замуж?
— Никогда. Только в мыслях моих приятельниц. Они меня все время толкают в какую-то пропасть: "Ну как же так, Лариса". Но нет. И не потому что, мол, "она не хочет выходить замуж, потому что Андрюша был такой потрясающий". Нет, хотя и поэтому тоже... Помню, в Сочи как-то мне массаж одна женщина делала. Веселая такая, хохотушка, без конца пела. А я буквально после смерти Андрея. Состояние — сами понимаете. Спрашиваю: "А чего это вы, собственно, распелись тут?" "А я мужа похоронила, — и хохочет, — он меня хоронил каждый год, все пугал: я тебя убью, похороню, закопаю. А умер-то сам!" Вот это я понимаю — отвязана по полной программе. Я же по полной программе была привязана. В полном смысле этого слова. Хотя, если бы мне встретился, предположим, человек, и со мной случилось бы что-то невообразимое — наверное, переступила бы этот порог. Но не встретился...
Взгляд Ларисы Ивановны уходит куда-то в сторону: "Вон дочка Собака пошла". И действительно, мимо нас проходит светская львица Ксения Собака. "Ну что это такое? Вы слышали ее интервью? Обхохочетесь! Мысли не свои, а мамини".
— Ну, девушка молодая. Что вы от нее хотите?
— Молодая? У меня дочка тоже девушка молодая. Вот самостоятельный ребенок. Вот уж скажет — так скажет, как отрежет.
— Вам с ней тяжело? Маша производит впечатление достаточно резкого, жесткого человека.
— Это сейчас. Раньше она была совсем другой. С юмором девочка. Что ни скажет — все смешно. А сейчас мы редко общаемся. То есть у нее свой дом... Я вот считаю, что она все правильно делает. Иногда думаю: ох-ах! Но откручиваю назад: а ты что делала в этом возрасте, как ты мыслила, что ты говорила? Я еще была и похлеще. Могла фыркнуть, развернуться и уйти. Но у меня тогда не было семьи. А у Маша есть, и она таким образом ее защищает.
— А вы ощущаете себя бабушкой? Мне кажется, для внучки вы лучшая подружка.
— Ну, бабушкой со спицами и в очках я себя не ощущаю. Но с внуками я нянчусь. Вот вчера звоню Насте: сейчас приеду, давай одевайся, причесяйся красиво — у нас будет праздник Весны. Привезла цветов, мы накрыли на стол, посидели: я, Настя, няня. Валя в коляске. А сегодня уже другая бабушка приехала — Галя.
— Кстати, вашего зятя, Николая Фоменко, некоторые называют вторым Мионовым. Вас это не корбит?
— Наоборот, нравится. У него энергетика такая же, страсть, отношение к делу. Такое впечатление, что он может со всем справиться. Но Коля не второй Мионов — он первый Фоменко. Впервые я увидела его еще без Маши. Сидела в "Проще простого", он мне задал какой-то вопрос, и я подумала: эхма, как на Андрея-то похож! Нет, не внешне. Вот состояние такое, быстрая реакция и обаяние просто сумасшедшее. А как зять? Очень приятный, милый и славный человек. Пытается все время обо мне заботиться. Но некогда. Я мне все приписывают, что я с ним в каком-то совместном бизнесе. Это не так. Я сама по себе — он сам по себе. И им свободнее, и мне вольнее.
— Лариса Ивановна, вы не переживаете, что последнее время не снимаетесь в кино?
— Ну напишите мне сценарий. Режиссера я найду, деньги — нет проблем. И вперед! Но зачем, для какой цели? Заработать — не заработаешь. Для известности — мне не нужно. Не-е. Если уж сниматься, то в крайнем случае до 40 лет. Зачем старух-то играть, господи, боже мой. Тем более в наше время надо ножки показывать, попку. Ах, если бы вот те ножки — да в это время, если бы тот голосок — да вот сюда, а попка такая была красивая, что ее бы в "СПИД-Инфо" засунуть, и продюсера хорошего найти, — сейчас я бы могла запросто стать звездой мюзикла. И не нашего, а самого что ни на есть бродвейского. Представляете: 90-54-90. А сейчас: 102-78-102. И куда? А пластические операции делать я боюсь. От них ведь выражение лица меняется. А меня пока еще узнают.